

Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхĕсен институтĕ
Чувашский государственный институт гуманитарных наук
Chuvash State Institute of Humanities

Чăваш чĕлхи:
ёнер, паян, ыран
Тĕнче симпозиумĕ
Шупашкар, 2004 çулхи чŭк 2–4

Международный симпозиум
Чувашский язык:
вчера, сегодня, завтра
Чебоксары, 2–4 ноября 2004 г.

International Sumposium
Chuvash Language:
Past, Present, Future
Cheboksary, November 2–4, 2004

Шупашкар—Чебоксары—Cheboksary
2010

УДК 811.512.111

ББК 81.2Чув

Ч-12

*Печатается по постановлению Ученого Совета
Чувашского государственного института гуманитарных наук*

Научный редактор
А. П. Хузангай

Чувашский язык: вчера, сегодня, завтра. Материалы
Международного симпозиума. — Чебоксары: ЧГИГН, 2010. —
424 с.

ISBN 978–5–87677–150–6

© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2010

*Н. В. Кондратьева,
Удмуртский государственный университет,
Ижевск*

УДМУРТСКИЙ ЯЗЫК КАК ЯЗЫК ОБРАЗОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

1. Истоки зарождения традиций удмуртской национальной школы официально восходят к началу XVIII века, когда 26 февраля 1735 г. по представлению архиепископа Иллариона Святейший Синод получил разрешение учредить в Казанской епархии четыре школы для обучения некрещеных инородцев «с таким расчетом, чтобы каждая из этих школ обслуживала определенную народность: в Федоровском монастыре (тат.), в дворцовом селе Елабуге (вот.), в г. Цивильске (чув.) и в г. Царевококшайске (чер.). Предполагалось содержать в каждой школе по 80 мальчиков, в возрасте от 10–15 лет» [Никольский 1919а, 61]. Однако по разным причинам школы не были открыты до 1740 г., а к тому времени указом Святейшего Синода от 11 сентября 1740 г. решение открыть школу для чувашей в г. Цивильске ввиду плохих путей сообщения было отменено и было предложено открыть школу в г. Свияжске.

С 1756 года все уездные новокрещенские школы (для чувашей, татар, мари и удмуртов) были объединены в одном месте – в г. Казани, на берегу озера Кабана, где они просуществовали до конца XVIII века. Лучшие из питомцев новокрещенских школ переводились для продолжения образования в Казанскую духовную семинарию.

По началу обучение инородцев опиралось на натуральный, естественный, метод Шельцеля, однако, учитывая низкую эффективность последнего, уже к концу XIX в. этот метод начал

изживаться, уступая место наглядно-переводному методу (при широком использовании наглядности и помощи родного языка).

2. Следует отметить, что XIX век сулил народностям много хорошего: культурный подъем, экономическое и правовое улучшение, но фактически все это осуществлялось частично и очень медленно. По вопросу о языке преподавания в XIX в. был выдвинут принцип: «родной язык — орудие просвещения» [Никольский 1919а, 71], который был подхвачен казанским профессором Николаем Ивановичем Ильминским и адаптирован для казанских инородцев.

Именно к этому времени начали разграничивать инородческие и полуинородческие учебные заведения: в чисто инородческих училищах обучение продолжалось почти всегда 4 года, в смешанных полуинородческих училищах курс обучения продолжался только три года, т.к. училища эти находятся чаще в таких селениях и деревнях, где живет большой процент русских и где, следовательно, инородцы более или менее знакомы с русским языком и русской разговорной речью (см. об этом: [Отчетъ 1903, 31]).

Преподавание в чисто инородческих училищах велось в младших двух отделениях параллельно на русском и родном языках, затем в среднем отделении преимущество давалось русскому языку, а родной язык употреблялся лишь для выяснения более сложных или отвлеченных предметов и понятий. Наконец, в старшем классе употреблялся почти исключительно русский язык, и лишь изредка учителя прибегали к помощи родного.

На первой ступени школьного обучения при изучении русского алфавита по звуковому способу названия новых незнакомых детям предметов, их частей, признаков, действий и т.п. сначала давались детям по-русски, а затем уже переводились на инородческий язык с твердым запоминанием детьми русских названий. Таким путем в памяти учеников постепенно накапливался запас русских слов и выражений. Таким же путем по мере постепенного накопления в памяти детей нового запаса русских слов и выражений, учащиеся приучались излагать свои мысли и ответы на данные им вопросы по-русски; но и здесь еще нельзя было обойтись без более или менее

частого обращения к их родной речи (см. подробнее: [Отчетъ 1903, 31]).

На дальнейших же ступенях обучения применение инородческого языка к делу преподавания постепенно оставлялось, урок по каждому предмету велся уже, по возможности, на русском языке, при этом детям чаще давались упражнения по письму в целях приобретения более свободного навыка употребления русской речи.

В третий год обучения ученики упражнялись в передаче связной речи при помощи ответов на вопросы, пересказа содержания прочитываемых им текстов. При ежедневной практике такого рода занятий к концу третьего и особенно четвертого года обучения инородцы научались излагать свои мысли с верным согласованием слов, научались пользоваться, где следует, знаками препинания, употреблять заглавные буквы и т.д. Посредством классного чтения и объяснительных бесед ученикам сообщались иногда и более необходимые для них сведения из географии, русской истории, естествоведения, а в некоторых школах и по сельскому хозяйству.

При таких же дидактических приемах и в такой же последовательности велось обучение инородческих детей и в смешанных училищах, с тем только различием, что в последних училищах с первых же шагов ознакомления учеников с русской грамматикой и русским языком, при преподавании преимущество отдавалось этому языку, т.к. учащиеся в этих училищах, проживая в тесном контакте с русским населением, уже с раннего детства знакомятся с русской разговорной речью. Благодаря этому ко второму, а особенно к третьему году обучения во всех полуинородческих школах ученики достаточно уже овладевали устной и письменной русской речью.

3. Удмуртский язык как язык образования получил широкое развитие в 1920–30-е гг. Основная характеристика этого периода: ликвидация неграмотности с помощью всеобщего начального образования, широкого развертывания школ на родном языке. Эти годы отличаются интенсивной деятельностью по разработке и изданию учебников и пособий на удмуртском языке. Так, к примеру, в 1934 г. было издано 22 наименования учебников для 1–4 классов тиражом свыше 100 тысяч экземпляров, 14 наименований учебников для 5–7 классов

тиражом 169 тысяч. Среди учебников, изданных в этот период, можно выделить следующие учебники, изданные для начального звена: «Муш» (Ларионов А.В., 1924), «Пичиос» (Ларионов А.В., 1926), «Букварь» (Марков С.М., 1933) и др.

Учебники, предназначенные для начального звена, были оригинальными, написанными на удмуртском языке. В старшем звене учебники по биологии, истории, географии и др. были переведены с русского языка (к примеру, «Алгебра 8 но 9 классъёслы» (Киселев Н., 1935), «Физика» (Баранский Н.Н., 1935), «Физика» (Фалеев Т.И., 1935), «Геометрия» (Гатнус Р.В., 1934), «Химия» (Верховский В. Н., 1934), «Естествознание» (Тетюрев В.Н., 1934), «Ботаника» (Всесвятский Б. В., 1933), «История» (Никольский Н.М., 1933), «Зоология» (Цумер М.Я., 1935) и др.).

В эти же годы удмуртский язык начинает изучаться в качестве обязательного предмета во всех школах УАССР, что способствует изданию учебников и учебных пособий по удмуртскому языку для неумуртов, авторами которых стали С.П. Жуйков, Р.М. Поторочин, А.З. Ларионов (Жуйков С. П., Поторочин Р. М., Ларионов А. З. Учебник удмуртского языка, 1931; Жуйков С. П. Учебник удмуртского языка для русских ФЗС и ШКМ 5 и 6 гг. обучения, 1933), И.К. Зеленин (Зеленин И. К. Учебник удмуртского языка для 3 и 4 годов обучения I концерн ФЗС и ШКМ, 1932), З.М. Коновалов (Коновалов З. М. Учебник удмуртского языка для начальной школы 3-4 года обучения, 1933), М.А. Лямин (Лямин М. А. Удмуртский язык для неумуртов (для кружков), 1937), А.А. Поздеева (Поздеева А. А. Удмуртский язык для неумуртов (для кружков), 1934) и др.

В этот период упрочняется и культурно-политический статус удмуртского языка: деятельность обкомов была направлена на кружковое изучение удмуртского языка и на обучение удмуртскому языку русскоязычного партийного аппарата: «Тринадцатая областная партконференция и Удмуртский обком со всей силой подчеркивают необходимость перевода всего делопроизводства на удмуртский язык. Это означает, что не только удмурты – работники аппаратов – должны вести переписку на удмуртском языке: эта обязанность не в меньшей степени лежит и на русской части работников наших аппаратов» [Жуйков С.П. 1931, 4].

4. Активная деятельность по изучению удмуртского языка, начатая в 1920–1930-е гг., была приостановлена в 1940-е годы по известным политическим мотивам, и этот период «бездействия» продолжался более 50 лет. За этот период национальные школы начали переходить на русский язык обучения с постепенным вытеснением родного языка.

В 1950–60-е гг. велась политика, направленная на расширение роли русского языка с одновременным сужением родного языка из общественной сферы в бытовую. В связи с этим преподавание на родном языке становится характерным только для начальной ступени образования, на высшей ступени удмуртский язык становится лишь одним из учебных предметов.

В Удмуртии обучение на удмуртском языке продолжалось до 1957 г. С 1958 г. прекращается издание переводных учебников для 5–7 классов вначале для старшего, затем и для младшего звена: последний учебник математики на удмуртском языке для начальных классов был издан в 1963 г.

5. В 1990-е гг. возобновляется деятельность по развитию национальных языков, что связано с изданием Закона о государственных языках УР (1995). По официальным данным в конце 1990-х г. в Удмуртской Республике работали 410 школ с изучением удмуртского языка, однако практически удмуртских школ как таковых уже не существует. С положительной стороны можно отметить, что предмет удмуртский язык и литература в рамках школьной программы ведется уже не только в сельских школах, но и в некоторых городских. При этом работа в данном направлении заставляет обращать внимание на то, что для повышения мотивации учеников к изучению родного языка и литературы необходимо постоянно пересматривать и совершенствовать вопросы методики преподавания удмуртского языка и литературы.

Л и т е р а т у р а

Жуйков С. П., Поторочин Р. М., Ларионов А. З. Учебник удмуртского языка. – Ижевск: УДГИЗ, 1931. – 64 с.

Жуйков С. П. Изучение удмуртского языка – важнейшая политическая задача // Зеленин И. К. Учебник удмуртского языка для 3 и 4 годов обучения I концерна ФЗС и ШКМ. – Ижевск: УДГИЗ, 1932. – С. 3–5.

Жуйков С. П. Учебник удмуртского языка для русских ФЗС и ШКМ 5 и 6 гг. обучения. – Ижевск: УДГИЗ, 1933. – 117 с.

Зеленин И. К. Учебник удмуртского языка для 3 и 4 годов обучения 1 концерна ФЗС и ШКМ / Под. рук. С. П. Жуйкова. – Ижевск: УДГИЗ, 1932. – 76 с.

Ильминский Н.И. К вопросу о просвещении инородцев. – Вятка, 1904. – 26 с.

Коновалов З. М. Учебник удмуртского языка для начальной школы 3–4 года обучения / Под. рук. С.П. Жуйкова. – Ижевск: УДГИЗ, 1933. – 117 с.

Лямин М. А. Удмуртский язык для неудмуртов (для кружков). – Ижевск: УДГИЗ, 1937. Ч. 1. – 159 с.

Никольский Н.В. Конспект о истории народностей Поволжья. – Казань, 1919а. – 88 с.

Никольский Н.В. Основы инородческого просвещения. – Казань, 1919б. – 58 с.

Отчет о состоянии училищ Вятской губернии. – Вятка, 1903. – С. 21–36.

Поздеева А. А. Удмуртский язык для неудмуртов (для кружков). – Ижевск: УДГИЗ, 1934. – 68 с.